

НЕДОИГРАВШИЕ (Елена Смирнова)

– доктор психологических наук; возглавляет лабораторию психологии дошкольников Психологического института РАО. Работает над проблемой межличностных отношений детей, начиная с самого раннего детства. Она – мама двоих взрослых детей и бабушка маленькой внучки.

Дошкольники играют гораздо меньше, чем двадцать лет назад. И в другие игры.

Психолог Елена Смирнова рассказывает о результатах исследований, проведенных в московских детских садах.

Играют теперь действительно меньше. Но главное в том, что сама идея ценности детской игры отсутствует в сознании взрослых – и родителей, и бабушек-дедушек, и воспитателей детских садов. Мы как будто вернулись на сотни лет назад. Это тогда считалось, что ребенок – тот же взрослый, только маленький, необученный. В те времена и детства как особого этапа жизни не было: ребенка стремились как можно раньше вовлечь во взрослый мир, он рано начинал работать, а не играть в работу. Во многом благодаря психологам только в наше время детские годы превратились в общественном сознании в особый, самоценный жизненный этап, а ребенок – в особого человека, который воспринимает, думает, ведет себя по-иному, чем взрослый.

– Вы считаете, в последние годы это отношение изменилось?

– Несомненно. Когда их учат – их готовят к будущей взрослой жизни, причем готовят точно так же, как учатся сами взрослые: дети сидят за столами, слушают воспитателя, отвечают на вопросы. Я спрашивала воспитателей: зачем вы учите их отличать синий цвет от красного? Вы видели когда-нибудь нормального взрослого человека, который бы путал эти цвета? А воспитательницы говорят: нас просят родители. В хорошей школе требуют, чтобы дети приходили умея читать, считать, а попасть в хорошую школу важно для будущего ребенка.

– Известный детский психолог Александр Венгер сказал мне:

“Мамаши приводят своих пяти-шестилетних детей и жалуются, что те никак не научатся читать или считать; хоть бы одна пожаловалась, что ее ребенок не умеет играть, – но ведь это намного, намного серьезнее...” Вы тоже так думаете? – Ни один психолог не будет думать иначе: потеря или резкое уменьшение игры для ребенка трудновосполнимы. Вот смотрите: годовалый малыш колотит ложкой по столу – это он просто стучит, ему нравится звук, нравится движение. А вот трехлетний малыш стучит ложкой по столу и кричит, что это барабан, что он стучит в барабан, – это уже игра. Пока примитивная игра с замещением одного предмета другим, но представьте себе, с каким

сдвигом во внутреннем мире ребенка это связано! Он же впервые оторвался от конкретного предмета и вышел в план условный, план символический. Понимаете, в его сознании слово отделяется от предмета, его можно присвоить другому предмету – при условии, что с ним будут действовать так же, как с названным. Это предполагает замещение одного предмета другим, а значит символическую функцию сознания.

Но это только самое начало игры: ребенок, подражая взрослому, повторяет однообразные движения, никаким смыслом не связанные друг с другом, и эмоционально малыш не очень включен в эти действия, может их бросить в любую минуту.

– И ребенок с их помощью усваивает социальные роли мира взрослых, готовится к их выполнению...

– Вот и вы говорите так, как будто речь идет о школе... Конечно, вы правы, но это не самое главное. И воображение, и способность к общению, к совместным действиям развиваются в игре, и учеба в процессе игры – самая эффективная. Но, возможно, главное – в ролевой игре формируется способность управлять собой, своим телом, своими действиями, ребенок обретает то, что в психологии называют “произвольностью действий”.

Маленький ребенок “полезависим”: он идет за ситуацией, мыслит совершенно конкретно, действует, повторяя только что предъявленные ему образцы. В ролевой игре он учится подчинять себя идее, образу, который пытается воплотить в конкретных действиях. “Ролевое” поведение ребенка превращается в волевое.

Примерно в середине XX века, в сороковые – шестидесятые годы, многочисленные эксперименты показали, что произвольное поведение ребенка в игре значительно опережает такое же поведение вне игры. Он, например, может исписать целую страницу, если выполняет роль школьника, может собрать все игрушки, выполняя роль уборщицы или мамы, а вне игры ему это делать неинтересно.

В 1949 году психолог Зинаида Мануйленко провела эксперимент, результаты которого сегодня стали классикой. Она измеряла, сколько времени четырех-пятилетний ребенок может сохранять одну и ту же позу: вы знаете, в этом возрасте достаточно трудно стоять не двигаясь. Сначала она просила малыша постоять без движения как можно дольше. Потом предлагала это сделать, играя роль часового: ты охраняешь фабрику, и поэтому тебе нельзя двигаться. Помните рассказ Пантелеева “Честное слово”? – вот примерно та же ситуация. Эксперимент проводили с детьми трех, пяти и шести-семи лет.

Оказалось, что трехлетние дети еще не умеют играть и сохраняют позу максимум 1-2 минуты как в игре, так и без нее. Пятилетние могли простоять три минуты, а в игре сохраняли позу в три раза дольше. Воображая себя часовым, ребенок управлял собой куда успешнее, чем в обычных повседневных ситуациях. К семи годам эта разница сглаживалась: дети одинаково долго могли простоять как в игре, так и вне её. Значит, зародившись внутри игры, способность к произвольным действиям усваивается, и ребенку уже необязательно притворяться часовым, чтобы простоять достаточно долго.

– Но в чем такая магическая сила игры?

– Игра парадоксальна по самой своей природе: она сочетает свободу, творчество, непринужденность с жестким требованием выполнять совершенно определенные правила. Ребенок может играть и не играть, может играть во что угодно и использовать при этом любые предметы в качестве чего угодно, а не по прямому их назначению. Но когда он выбрал сюжет и свою роль, он должен совершать определенные действия в определенной последовательности – в соответствии с ролью и с тем, как договорились играть. Принимая роль взрослого – доктора, шофера, воспитательницы, мамы, – ребенок берет на себя определенный способ поведения. Он не будет играть, если не понимает, какая цепь действий сопряжена с его ролью, – это доказали эксперименты замечательного детского психолога Д.Эльконина.

Подчинение правилам, как это ни странно, доставляет ребенку главное наслаждение в игре. Все попытки психолога в одном из экспериментов нарушить правила: например, сначала сделать “пациенту” прививку, а потом помазать место укола “спиртом” – вызывали у детей бурные протесты и разрушали игру. Цель игры – сам процесс наиболее точного выполнения правил, связанных с выполнением ролей; позже – вытекающих из договора со сверстниками. Другой цели у игры нет. Специфическое удовольствие от игры связано как раз с необходимостью преодолевать непосредственные побуждения, подчиняться её правилам. Л.Выготский говорил, что игра – это “правило, ставшее аффектом”, или “понятие, превратившееся в страсть”.

– Вы повторили эксперимент Зинаиды Мануйленко, какие результаты теперь?

– Мы в точности воспроизвели эксперимент с современными детьми. Правда, заменили роль часового, поскольку такие игры совсем не популярны среди наших дошкольников. Мы предложили мальчикам стать охранниками, охранять банк от рэкетиров.

– Они понимали правила этой игры?!

– Конечно. У них сейчас игры такие...

Мы сравнили свои результаты с 1949 годом: дети почти в два раза меньше времени могут простоять без движения во всех возрастах и во всех ситуациях, слабее могут управлять собой. А это очень серьезно. Но главное в том, что разрыв в поведении в игре и вне игры, прежде характерный для пятилеток и исчезающий к шести-семи годам, теперь не исчезает. То есть и в шесть лет ребенок может управлять собой – например, стоять на месте, долго сохранять одну и ту же позу – только в игре. Вне игры ему по-прежнему трудно это делать.

– Почему?

– Современные дети не доигрывают. И родители, и воспитатели, не считая игру ценностью, очень рано начинают учить детей, учить за партой. На игру остается 15-20 минут в день, и то они не играют, потому что не умеют.

Логика освоения той же произвольности – в постепенном сворачивании сюжетной линии, в переходе от внешнего действия к внутреннему, что способствует возникновению представлений, фантазий, воображения, к

решению проблем в уме. Дети шести лет, например, могут играть, вообще ничего не делая, только представляя себе, что надо делать. Когда они планируют игру, то долго договариваются, кто что будет делать, кто куда пойдет – и все, когда все это проговорено, играть уже неинтересно. Но этому должны предшествовать часы и часы самозабвенной игры, нужна “наигранность”.

И играют теперь иначе. Современные дети очень мало играют во взрослых. Прежде, в игре они воспроизводили поведение родителей, домашнюю обстановку. Например, игра в дочки-матери могла выглядеть совершенно по-разному: одна “мать” стоит у плиты и стирает, другая – сидит перед зеркалом и красится, третья девочка сажает куклу, читает и учит ее... И сразу понятно, что у ребенка происходит в семье и какие у него отношения с мамой.

– Но про рэкетиров они знают...

– Это знания, почерпнутые в основном из телевизора. Сюжеты современной детской игры заимствуются из фильмов сейчас гораздо чаще, чем из реальной жизни близких взрослых. Они играют в “Санта-Барбару”, в Марию, Хосе-Игнасио, в “Титаник”, в потерянных детей и найденных отцов, в половые отношения – да-да, буквально. Вообще сюжеты мыльных опер очень хороши для детских игр: они просты, там сразу ясно, кто плохой и кто хороший – вот это и становится сюжетом детских игр.

– С какого возраста?

– Да с любого.

– С пяти лет?

Да это уж точно, в пять лет они играют уже во всю: ты будешь Мария, ты – Игнасио, ты – Маркела какая-то.

Взрослая жизнь не дает им достаточного количества сюжетов, поскольку она для них закрыта, они в нее не включены – им неоткуда черпать эти сюжеты. Нет сюжетов школьных, нет игры в магазин. Дочки-матери остались, но это в основном кукла Барби и семейные драмы по-мексикански. Такая вот форма вхождения в общество – только совершенно непонятно, в какое общество они входят через эти мексиканские страсти.

Социологическое исследование, проведенное под руководством доктора психологических наук, члена-корреспондента РАО Владимира Собкина, показало, что дети четырех-шести лет больше всего играют в подвижные игры с правилами (они обычно появляются после ролевых игр): прятки, салочки, кошки-мышки. Раньше их набор был богаче; теперь всякие жмурки, вышибалы, прыгалки, замиралки встречаются лишь в отдельных случаях, и все в сумме набирают лишь семь процентов.

Среди ролевых игр, занявших второе место, вперед у девочек вышли традиционные дочки-матери и их современная интерпретация – куклы Барби; у мальчиков впереди, разумеется, игры в машинки. Все остальные сюжеты можно сосчитать по пальцам, как и их почитателей: двое – в магазин, трое назвали больницу, зайчиков и роботов, и лишь один играл в школу.

Компьютерные игры у дошкольников куда менее распространены, чем мы думаем: только три процента опрошенных детей назвали Денди, Тэтрис и Марсиан; популярнее настольно-печатные игры, конструкторы, мозаики, шашки, даже карты.

Наконец, самая немногочисленная, зато самая разнообразная группа игр – игры-драматизации; с традиционными Красной Шапочкой и гусями-лебедями соседствовали драматические сюжеты об Анжелике, о Чипе и Дейле, про рокеров, про ниндзя. Четыре процента детей вообще не знали ни одной игры.

– Хорошо, на первом месте у современных детей не ролевые игры, а прятки какие-нибудь, то есть подвижные игры с правилами, – это ведь тоже предполагает поведение по правилам и, значит, тоже формирует произвольность?

– А знаете, какие ответы получили социологи на вопрос о правилах игры? Почти половина (45 процентов) детей сказали, что они не знают правил игры, в которую играют. Либо не знают, есть ли эти правила вообще, либо не могут их описать. Каждый третий уверен, что у игры никаких правил нет. Остальные называли какие-то правила, однако это оказались не правила игры, а абстрактные гигиенические или моральные нормы: “ничего не ломать и не пачкать”, “чистить зубы каждый день”, “слушаться маму”. То есть сам термин “правило” в их сознании связывался не с принятым ими на себя добровольно и самостоятельно порядком игры, а с запретами взрослых.

Только каждый десятый из опрошенных старших дошкольников мог более или менее содержательно назвать правила игры, в которую он любит играть.

Помните, я говорила об эксперименте Д.Эльконина, в котором дети бурно негодовали против всякого нарушения правил игры и утверждали, что без правил “игра не получится”, “будет неинтересно”. А знаете, что об этом думают современные дети? Подавляющее большинство из них (76 процентов) уверены, что правила игры нарушать можно. Примерно половина остальных ожидают за это чисто административных или силовых наказаний: “директор выгонит из сада”, “арестуют”, “Руслан побьет”, “оштрафуют”, “прибьют”, “посадят в тюрьму”. И только пять процентов детей ответили с позиции развитой игровой деятельности: “Игра не начнется (не получится)”, или “Придется объяснить еще раз”.

– Но ведь игры действительно не получится без правил – ни прятки, ни Красной Шапочки. Они же могли убедиться в этом на собственном опыте...

– Как видите, не убедились – потому что слишком мал и беден этот самый опыт. В результате из игры уходит “правилосообразность”, которая непосредственно связана с осознанностью и ответственностью поведения. А ведь именно это самостоятельное регулирование своих действий превращает поведение ребенка из “полевого” в “волевое”.

– Получается, что прежде, когда проводили свои эксперименты Мануйленко и Эльконин, в пятидесятые-шестидесятые годы, с игрой у детей все было относительно в порядке, а теперь стало много хуже? Но, насколько я понимаю, тогда детьми занимались меньше, чем сейчас: не было эпохи

своеобразного детоцентризма, которую мы прошли в восьмидесятые годы, не было культа семьи, как сейчас, когда по всем социологическим опросам ценность семьи решительно вышла на первое место среди всех других ценностей; не было, наконец, такого страха за будущее ребенка, который заставляет с младых ногтей готовить его к профессиональной карьере. Так, может, надо просто оставить детей в покое, предоставить их самим себе, пусть играют, сколько им хочется?

– Игра не приходит сама собой. Игре надо учить, дети нуждаются в образцах и сюжетах.

А в прежние времена было исчезнувшее ныне напрочь детское сообщество. Что принципиально – это были разновозрастные детские компании. Образцы и сюжеты переходили от старших к младшим, которых сначала брали в игру на второстепенные роли, а потом они сами начинали задавать тон. Самовоспроизводящая система, субкультура, которая не нуждается в подпорках извне. А теперь дворов практически нет, в детских садах они распределены по возрастам, в семье, как правило, ребенок один. Откуда брать образцы и сюжеты? Только из телевизора.

– В психологии, когда человек соблюдает правила не по собственному выбору и разумению, а только из страха перед наказанием, говорят о преобладании внешнего контроля над внутренним. Если они такими вырастут, граждан из них не получится, да и вообще такие взрослые, как правило, асоциальны... И все потому, что не доиграли в детстве?

– Все можно компенсировать, можно найти новые формы детской жизни, чтобы не утратить детства, которое мы сегодня просто вытесняем из всех сил. Когда психологи в конце восьмидесятых боролись против того, чтобы отправлять шестилеток в школы, нам отвечали, что во всем мире дети учатся с пяти лет. Так вы посмотрите, как устроена их начальная школа: занятия происходят на ковре, а то и в бассейне, в свободной манере, программа на десять, наверное, порядков проще, чем программа нашего детского сада, на уроках дети в основном играют, как бы ненароком, узнавая что-то новое. А наш детский сад – это самая настоящая школа.

...Зато в самой школе, нерастроченный пыл и игровой азарт овладеет ими, и наши дети начинают играть – тайком на переменах, забравшись под парту. Так или иначе им приходится учиться уважать правила, только теперь эта наука не доставит им удовольствия, какое могла доставить в детстве.